

Су Янь сунул телефон обратно в карман. Холодный корпус прижался к его ладони, и эта зябкость дала его смятённым мыслям короткую опору. Он так и стоял на месте, а налетевший на площадке ветер поднимал с земли пыль. Вокруг сновали люди, и их голоса, и шаги казались далекими.

Эта фраза — беру — с лёгкостью изменила траекторию его жизни на ближайшие несколько месяцев.

И эти перемены проистекали от человека, которого он был не в силах разгадать.

На следующий день Су Янь вовремя появился на съёмочной площадке.

Ему больше не нужно было вместе с дюжиной массовки под крики постановщика трюков отрабатывать падения и столкновения. Его отвели в отдельную маленькую зону отдыха, выделив раскладной стул и бутылку воды.

Его новой работой стал дублер третьего мужского персонажа по общим сценам.

Облаченный в чужой роскошный наряд, он стоял под ослепительными софитами. Жар от ламп пек кожу, пот струился по шее, впитываясь в тяжёлый воротник и создавая неприятное липкое ощущение.

Режиссер за монитором настраивал ракурсы, осветитель с отражателем в руках выискивал нужный угол. Всё, что требовалось от Су Яня, — просто стоять. Стоять без движения.

Он превратился в статичную тень главного героя, в инструмент для проверки света.

Это было легче, чем висеть на страховочных тросах, но несло в себе куда более глубокое чувство пустоты.

Ему не нужны были ни навыки, ни опыт — требовалось лишь отдать свое тело и время.

В перерыве он сидел в углу. Отношение окружавших его людей переменилось. Больше никто не подходил запросто хлопнуть его по плечу или отпустить пошлую шутку. Они лишь поглядывали издали, а в их взглядах смешивались любопытство и отчуждение.

Он оказался незримо изолирован от всех.

К нему направлялся мужчина в черном костюме. Кожаные туфли мерно и глухо постукивали по земле. Остановившись перед Су Янем, он полностью заслонил его своей тенью.

Су Янь поднял голову.

Это был ассистент Гу Ечэня — тот самый человек с неизменно бесстрастным выражением лица, которого он видел лишь раз.

Мужчина протянул квадратную коробку. Темно-синюю, с едва заметной текстурой на поверхности, что тускло мерцала в свете ламп.

— Господин Гу велел передать вам.

Голос ассистента был ровным, лишенным эмоций, он просто констатировал факт.

Су Янь не шевельнулся. Его взгляд прилип к этой коробке.

— Что это? — спросил он, чувствуя, как в горле чуть сжалось.

— Кое-какие мази от ушибов и порезов, — ответил ассистент.

— Я не могу это взять.

Су Янь ответил почти мгновенно. Он чуть подался назад, пытаясь увеличить дистанцию:

— Вчерашние медицинские расходы я...

— Господин Гу сказал, что ваши руки нуждаются в должном уходе.

Ассистент оборвал его на полуслове, его тон остался прежним, будничным, но в нем явственно слышалось нежелание терпеть возражения. Он не убрал руку, продолжая держать предмет перед собой.

Коробка зависла между ними.

Воздух вокруг будто замедлил свое движение. Су Янь чувствовал устремленные со всех сторон взгляды, от которых у него по спине бежали мурашки.

Отказаться он не мог.

Он знал, что очередной отказ только сделает сцену еще более неловкой.

Пальцы Су Яня судорожно сжались. В конце концов он протянул руку. Кончики его пальцев коснулись края коробки — на ощупь она оказалась прохладной и гладкой. Он принял ее.

Коробка оказалась тяжелее, чем он думал. Этот вес лег на его ладони с неприятным нажимом.

— Пожалуйста, передайте мою благодарность господином Гу, — потупившись, произнес Су Янь.

— Обязательно передам, — бросил ассистент и, не задерживаясь ни на секунду, развернулся и ушел.

Су Янь так и сидел неподвижно, сжав в руках коробку.

Режиссер заметил эту сцену. Он сделал несколько шагов в их сторону, но замер, а на его лице отразилось странное выражение. В конце концов он просто издали кивнул Су Яню и вернулся к своим делам.

Су Янь превратился в особую фигуру на съемочной площадке. В изгоя, о чьем особом покровительстве со стороны кинозвезды знали все, но к которому никто не смел приближаться.

Он кое-как дотянул до конца смены.

Ни с кем не попрощавшись, прижимая к груди темно-синюю коробку, он быстрыми шагами покинул площадку. Он шел так скоро, будто за его спиной кто-то гнался.

Вернувшись в свою тесную и сырую съемную квартирку, он наконец позволил себе выдохнуть.

Он положил темно-синюю коробку на облезлый деревянный стол. Ее изысканный вид совершенно не вязался с обшарпанной обстановкой вокруг. Она походила на вестника из иного мира, безмолвно заявлявшего о своем превосходстве.

Су Янь долго смотрел на нее.

Затем протянул руку и кончиками пальцев легко провел по крышке. После чего открыл коробку.

В нос ударил незнакомый, пахнущий лекарствами тонкий аромат.

Внутри не оказалось привычных ему зеленки и бинтов. На подложке из черного бархата аккуратными рядами лежали тюбики с мазями и спреи, каких он отродясь не видел. Стекланные флаконы холодно отсвечивали под лампой, а металлические распылители

блестели серебром. Упаковка каждой вещи выглядела безупречно.

Он взял один из тюбиков. Матовый стеклянный корпус охлаждал кожу. На нем красовались сплошь иномысленные надписи, из которых он не понимал ни единой буквы.

Сдернув колпачок, Су Янь поднес флакон ближе и принялся. Аромат стал еще насыщеннее.

Это было слишком дорого.

Эта доброта давила на него непосильной тяжестью.

Подобное выходило далеко за рамки простой человеческой благодарности за помощь. Это было нечто иное... Проникновение. Вторжение под маской благожелательности, от которого невозможно отказаться.

Он вспомнил глубокий взгляд Гу Ечэня.

Вспомнил сосредоточенное и спокойное выражение лица этого человека, когда тот обрабатывал его рану.

Он ничего не понимал.

Он всего лишь дублер. Ничтожная, заменяемая в любую секунду тень. Почему?

Су Янь захлопнул коробку.

Ему не хотелось прикасаться ни к чему из того, что лежало внутри. Он задвинул коробку в самый дальний угол стола, словно надеялся таким образом отгородить ее от своего собственного мира.

Сбросив одежду, он направился в ванную.

Повернув кран, он подставил лицо под струи ледяной воды. Подняв голову, он посмотрел на свое отражение в зеркале. Уголки глаз покраснели от усталости, губы были крепко сжаты.

Это не доброта.

Подумалось ему.

Это метка.

Клеймо, которое человек с небесных вершин оставил на том, кто барахтается в грязи, — клеймо, от которого невозможно избавиться.

<http://bllate.org/book/21842/2264534>